

АКАДЕМИЯ ИСТОРИИ И ПОЛИТОЛОГИИ

МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ ИНФОРМАТИЗАЦИИ

АРМАВИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ. ВЫП. 1.

В. Б. ВИНОГРАДОВ

**ИЗ ПЕРЕПИСКИ
С НАСТАВНИКАМИ**

**(Б. Н. Граков, Е. И. Крунов,
А. И. Тереножкин)**

Армавир - 1999

АКАДЕМИЯ ИСТОРИИ И ПОЛИТОЛОГИИ

МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ ИНФОРМАТИЗАЦИИ

АРМАВИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Из эпистолярного наследия.
Вып. 1.

В. Б. ВИНОГРАДОВ

ИЗ ПЕРЕПИСКИ С НАСТАВНИКАМИ
(Б. Н. Граков, Е. И. Крупнов,
А. И. Тереножкин)

Под редакцией доктора исторических наук
Е. В. ЧЕРНЕНКО (г. Киев)

Армавир - 1999

Армавирский государственный педагогический институт. Кафедра регионоведения и специальных исторических дисциплин / В. Б. ВИНОГРАДОВ. Из эпистолярного наследия. Вып. I. Армавир. 1999.

Этой брошюрой открывается новая серия в изданиях, осуществляемых научно-педагогической школой академика В. Б. Виноградова.

Произведения эпистолярного жанра - один из интереснейших массовых и одновременно почти невостребованных источников по истории развития и современном состоянии науки, в том числе истории, археологии, этнографии. Кроме того, он имеет вполне очевидный и действенный просветительско-воспитательный эффект.

Беспрецедентная попытка представить широкому кругу читателей хотя бы малую часть эпистолярного наследия таких корифеев советской археологической науки как профессора Б. Н. Грakov, Е. И. Крупнов, А. И. Тереножкин достойна одобрения и развития. А новому сериалу, получившему начало от В. Б. Виноградова - зав. кафедрой регионоведения и специальных исторических дисциплин, академика МАИ И АИП, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, Кубани и Чечено-Ингушской АССР, профессора, доктора исторических наук, члена Союза журналистов России - следует пожелать долгой и плодотворной жизни.

Е. В. ЧЕРНЕНКО,
доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии Украинской национальной Академии Наук (г. Киев).

ПОСВЯЩАЕТСЯ
светлой памяти тех,
кто наставлял меня на нелегкой,
единственной дороге жизни.

“ПИСЬМА ПИШУТ РАЗНЫЕ...”

Теперь только понимаю, как долго шел я к идеи организации этой серии! Со студенческой юности, по совету отца-литератора и вузовца Бориса Степановича Виноградова - стал собирать свой эпистолярный архив, стабильно нараставший вплоть до вынужденного оставления с семьей и частью научной школы города Грозного осенью 1991 г. Последующий перевоз личных библиотеки и архива немало сказался на их сохранности. Но основной состав писем, полученных мною, начиная с 1961 года (времени возвращения в Чечено-Ингушскую АССР после окончания МГУ им. М. В. Ломоносова), уцелел, заметно пополняясь на новом местожительстве.

Именно в г. Армавире, на крутом изломе судьбы, возникла потребность в систематизации и хотя бы начальном осмыслении богатых эпистолярных материалов (см.: Дубинина Н. В., Пелих А. Л., Терещенко О. Н., Чернова Л. Н. Состав и география эпистолярного архива академика В. Б. Виноградова (грозненский период: 1961-1991 гг.) // Материалы заседания, посвященного 30-летию научно-творческой, педагогической и общественной деятельности школы академика В. Б. Виноградова (1964-1994). Часть II. Армавир. 1994. С. 30-32; Из состава эпистолярных материалов 1961-1991 гг., преданных В. Б. Виноградовым в архивный отдел администрации г. Армавира // В. кн.: Виталий Борисович Виноградов. Био-библиографические сведения. Армавир. 1998. С. 84-86).

Одновременно неизбежно подоспело время весьма солидных круглых юбилейных дат ушедших в иной мир моих

наставников, старших друзей и коллег, память о которых для меня олицетворялась отчасти и письмами, полученными в разные годы.

Смолоду полюбились и запомнились строки поэзии Константина Симонова:

*Письма пишут разные,
Слезные, болезные,
Иногда прекрасные,
Чаще - бесполезные.
В письмах все не скажется,
И не все услышится,
В письмах все нам кажется,
Что не так напишется...*

Так то оно, конечно, так... Но ведь и не совсем! Не раз убедился сам и на примере учеников какие особые чувства, ассоциации и размышления возникают при чтении старых, или просто давних писем людей умных, расположенных и требовательных к тебе, ожидающих от тебя исполнения их надежд, доверия, оправдания вложенных в тебя трудов и душевно-нравственных сил. Нужно только хотеть и уметь услышать доверительный, негромкий голос выцветших от времени строк.

...В 1996 г. на Международную конференцию археологов в г. Киеве, я послал небольшой материал, основанный на переписке с выдающимся археологом Украины А. И. Тереножкиным (он так еще и не увидел свет). Спустя два года, вышедший в Ставрополе сборник "XX юбилейных Международных Крупновских чтений по археологии Северного Кавказа", открылся моей публикацией "Из переписки с Е. И. Крупновым 30 лет назад" (С. 3-4). А поздней осенью минувшего года, я подготовил доклад для Международной конференции, намеченной в г. Запорожье (Украина), "Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья", посвященной 100-летию со дня рождения проф. Б. Н.

Гракова (III Граковские чтения). И он вновь базируется на письмах одного из моих учителей...

Вот эти-то материалы в своем первозданном виде и собраны под общей обложкой этого (первого!) выпуска вновь задуманного сериала.

Остаюсь виноватым пока перед памятью добрейшего и дорогого своего наставника доктора исторических наук Константина Федоровича Смирнова. Надеюсь исправить свою оплошность, руководствуясь сутью поэтической формулы: "Началу песни - добная порука, Конца ж её вовеки не узнают..."

ПЕРЕПИСКА С Б. Н. ГРАКОВЫМ В НАЧАЛЕ ПУТИ

Знакомство с проф. Б.Н.Граковым состоялось весной 1957 г. на Третьей Всесоюзной археологической студенческой конференции в Московском государственном университете им. М.В.Ломоносова, куда я приехал, будучи студентом Грозненского госпединститута, уже 2-й год занимающимся северо-кавказской археологией под руководством Е.И. Крупнова (Институт археологии АН СССР). Осенью того же года состоялся мой перевод с историко-филологического факультета ГПИ на кафедру археологии МГУ. Учитывая по-жизненно сложные, неприязненные личные отношения Гракова и Крупнова, я испытывал немалые трудности в определении своей археологической специализации, т. к. ранний железный век, увлекший меня, был сферой интересов обоих ученых. Б.Н.Граков сам пригласил меня в свой семинар, и это было мое счастье, ибо с тех пор и до самой смерти моих наставников-антагонистов я находился под благотворным воздействием двух виднейших знатоков различных граней сарматской эпохи (III в. до н.э. -IV в. н.э.), которую я изучал тогда. Вскоре, с подачи Бориса Николаевича, еще одним моим добрым пестуном стал ведущий сарматолог страны Константин Федорович Смирнов.

Опубликовав в студенческие годы несколько научных работ, успешно защитив дипломную работу "Сарматы на Северо-восточном Кавказе" (в присутствии и с участием всех моих наставников), я вернулся на родину, в г. Грозный, где с 17 июля 1961 г. был принят по рекомендации Е.И.Крупнова младшим научным сотрудником (археологом) в недавно восстановленный Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы. После окончания летних раскопок в с.Сержень-Юрт послал письмо Борису Николаевичу, которое открыло почти 10-летнюю переписку, в значительной мере свидетельствующую о характерных чертах научно-педагогической школы Б. Н. Гракова. Вот некоторые её фрагменты 1961-1964 гг.

"...О Вашей работе в Чечено-Ингушском НИИ-те я не сомневался: у Вас есть напористость... Конечно, Вы - Крупновский; но и мой хотя бы отчасти. Если по истечении двух лет (полных) службы, Вы потянетесь в аспирантуру (лучше, советую, в заочную, чтоб место службы не потерять, где, не сомневаюсь, Вы укрепитесь) ко мне, приму. Только пусть раньше Хазанов поступает¹, а потом Вы. В этом году поступает Погребова, потом Хазанов. Вам бы я посоветовал лучше пойти в Институт археологии АН СССР, если очно, так как там дорога будет обеспечена, особенно, если будет руководить он². Но и я буду рад взять Вас...³ Постарайтесь попасть в командировку на ИИМКовскую или студенческую конференцию. Поговорим о подготовке аспирантской темы⁴..." (9 сентября 1961 г.).

Прим.: 1. А.М.Хазанов - выпускник кафедры археологии МГУ 1960 г.

2. Имеется в виду доктор исторических наук, зам. директора ИА АН СССР Е.И.Крупнов.

3. Ощущая возможность назревания конфликта, я решил писать кандидатскую диссертацию без учебы в аспирантуре и под руководством К. Ф. Смирнова.

4. На защите дипломной работы зав. кафедрой археологии, член-корр. АН СССР А. В. Арциховский высказался в том смысле, что

уровень её приближается к уровню кандидатской диссертации и "Виталий Борисович не заставит нас долго ждать." Поэтому "аспирантская тема" просматривалась вполне прозрачно

"...Спасибо за память и поздравления. И Вас я с Вашими родными поздравляю с Октябрем. Спасибо и за кальку с наконечником ножен¹. Вещь очень интересная!... Тип - расширяющийся книзу, имеет хорошие аналогии (Келермес, Литая и Острая могилы, Урус-Мартан и др.). Жду с интересом Вашей заметки¹ ... В дальнейшем Вы будете сидеть на своем месте еще крепче², но тематика не может быть только сарматской навеки для Вас, понадобится и найдется другая³. Держитесь за обретенное место и сделайте себя необходимым. Умный человек это всегда может... Об аспирантуре мое мнение теперь всегда одно. Сначала надо собрать материал для темы, а уж потом приступать к экзаменам... На нашей кафедре будут коситься, если Вы будете очень спешить. Но все же работайте и сдавайте, как задумали (м.б. археологию в Краснодарском пединституте, у Анфимова?)⁴, но никак не сломя голову: или сорветесь, при всей своей усидчивости, или в Вас будут видеть карьериста; хоть этого и нет. После сдачи минимума рад буду Вас видеть своим аспирантом..." (12 ноября 1961 г.)

Прим.: 1. См.: Виноградов В. Б. Бронзовый наконечник ножен из Кабардино-Балкарии //СА.1963, 2. С.229-232.

2. Действительно: сперва младшим научным сотрудником, потом - заведующим вновь созданным сектором археологии и этнографии

3. Мысль, сперва поразившая меня - "упёртого сарматолога", но потом побудившая взвесить реальные перспективы археологии в ЧИ АССР и твердо понять необходимость широкого фронта археолого-исторических изысканий для привлечения к ним соответствующего круга людей. Это был, как теперь понимаю, первый прорыв к созданию собственной историко-регионарной школы (с осени 1964 г.)

4. Старейший кубанский археолог Н. В. Анфимов аспирантуры не имел. Поэтому сдал экзамены кандидатского минимума по философии и иностранному языку в Кабардино-Балкарском госуниверситете, а специальность (археологию) в Институте

археологии АН СССР, в Москве комиссии в составе
А. П. Смирнова, Е. И. Крупнова, К. Ф. Смирнова.

"...Лишил поверхностно пока просмотрел Вашу книжку. Она не хуже диссертаций такого типа и, конечно, вполне годится к защите¹. Это, ведь, посуществу солидное расширение Вашего отличного диплома. Но ведь теперь наступило некоторое безвременье для археологов, и каждому приходится биться за свое дело. Хорошо, что Вы его не бросаете..." (9 августа 1963 г.).

Прим. 1 Речь идет о моей монографии "Сарматы Северо-Восточного Кавказа" (Грозный. 1963. 224 с.), которую я написал, собирая материалы в музеях Северного Кавказа, сдавая в гг. Нальчике и Москве кандидатские экзамены (вперемешку о резко обострившейся болезнью почек).

"...Я все еще не вникал особенно глубоко в Вашу книгу. Мысли мои не так решительны как Ваши и К. Ф. Смирнова¹, но смелость не помеха... В октябре увидимся, поговорим..." (8 сентября 1963 г.)

Прим. 1 К. Ф. Смирнов выступил ответственным редактором и автором предисловия к моей книге, предполагая, что она вызовет громкую и неоднозначную реакцию (в момент её издания мне было 24 года).

"...Очень грустно, что Вы такой молодой и так больны. Берегите свое здоровье паче ока... Теперь о смелости мысли. Она не вредит и даже помогает. Даже легкий, но не противоречащий фактам полет фантазии, может принести пользу. Лишь бы только все это не выходило за границы этих фактов. Например, Вы не преминули привести мой перевод из Валерия Бальба¹. В своем переводе я не сомневаюсь, а вот в чем сомневаюсь, это - в возможности, за немногими исключениями, использовать Бальба в вопросах этногеографии Кавказа. Дело в том, что Бальб подра�ает "Энеиде" Вергилия. Подобно тому, как в "Энеиде" племена всей Италии спешат на помощь вождю латинян Турну против Энея с троянцами; так же и в "Аргонавтах" Бальба все, известные поэту, племена с берегов Понта, где бы они не жили, спешат на помощь к Персу, против Иасона. При

этом оттуда, где бы они ни были и каковы бы ни были действительные исторически взаимоотношения. Впрочем, к "Вашему" сармату-френатору² это не относится: он хотя бы одним пальцем ноги стоял на кавказской северной равнине, и тут Вы правы... Когда приедете для защиты в Москву, не забудьте моего телефона Г-1-58-71 (мою дочь зовут Марьяна Борисовна)..." (25 сентября 1963 г.).

Прим.: 1. См.: Виноградов В.Б. Сарматы Северо-восточного Кавказа, с. 57. Б.Н.Граков удивительно тонко исправил ранее казавшийся неоспоримым перевод академика П.Латышева.
2. По Б.Н.Гракову - "огромнопикий сармат".

- "...Я рад, что Вы здоровы или во всяком случае хоть Вас болезнь временно отпустила¹. На февраль защиту назначил не я, а Арциховский², т.к. он в январе куда-то уезжает, я согласился сделать все это даже в конце декабря. Но это м.б. мое последнее официальное оппоненство: я думаю к весне уйти на пенсию... Вечно донимает какая-то повышенная слабость. Все это результат прошлогоднего инфаркта³. Привет родителям, жене и дочери..." (26 ноября 1963 г.).

Прим.: 1. Незадолго до этого я перенес первую из полостных операций, сделанную в г.Ленинграде.
2. Артемий Владимирович Арциховский (см. и ниже) - зав. кафедрой археологии МГУ, главный редактор академического журнала "Советская археология" (СА), член-корреспондент АН СССР, профессор, доктор исторических наук, принимавший большое участие в моей научной и личной судьбе.
3. Отсюда и длительный перерыв в нашей переписке в 1962 г.

- "...Поздравляю Вас и Вашу семью от мала до велика с 1-ым маев, а кто хочет, того с Пасхой. Не теряйте времени и трудитесь над городищами¹. Рецензия сегодня докончена и окончательно проверена. Собственно, это тот же отзыв мой по диссертации², но в "улучшенном и дополненном" издании, даже с подстраничными ссылками. А(ртемий) В(ладимирович) обещал выступить за её помещение в 4-ом номере СА, вместе с кузнецковским писанием³. Я сдам в редакцию сразу после праздников. А.В. опасается, что Круп-

нов может вдруг возразить. Дело у них решается голосованием⁴. Если голосование будет недостаточным, помешу в "Вестнике древней истории", "Советской этнографии" или еще где-нибудь. Есть договоренность.

А что на Вас разные ...дзе⁵ злятся и м.б. даже Шилов⁶, сами виноваты. И тон и местами поверхностная аргументация у Вас ненужные. Ну, да обтешется. Это не в смысле подлаживания, а в смысле такта. Его у Вас маловато. Вое-вать нужно, задор не вредит, но резкость и необдуманность всегда Вас выдадут при множестве иных достойнотв" (30 апреля 1964 г.).

Прим. 1. Изученность городищ заметно отставала, что было отмечено на защите моей диссертации. С тех пор я обратил на них пристальное внимание, начиная с раскопок Алхан-Калинского городища

2. В марте 1964 г. в МГУ состоялась защита моей монографии в качестве кандидатской диссертации, на которой Борис Николаевич Граков (и Марина Глебовна Машкова) выступали официальными оппонентами.

3. Молодой алановед, тоже новоиспеченный кандидат исторических наук В А Кузнецов написал и прислал в СА чрезмерно критическую рецензию на мою книгу, что побудило к соответствующему шагу и Б Н Гракова - специалиста, публиковавшегося нечасто. Всегда считал, что все, это - большая честь для меня!

4. Подразумевается, что за действиями В.А.Кузнецова стоял член редакколлегии СА Е И Крупнов, который далеко не однозначно относился к моим научным результатам.

5. Прозрачный намек на отдельных грузинских историков, которые (при общем одобрении) встретили мою книгу в штыки

6. В П Шилов - известный ленинградский археолог, занимавшийся и сарматами.

- "...Подтверждаю, что рецензию приняли и ставят в один номер с кузнецовой критикой. Вы цитируете письмо Крупнова, будто мои суждения совпадали с пометками его на полях Вашей работы. Позволю себе усомниться: я их не видел и ничего от него не заимствовал..." (7 июня 1964 г.).

- "...Итак, материал Вашей книги нов и свеж, его археологическое истолкование (что самое главное), кроме неболь-

ших промахов, допустимо. За все это я и допустил Вашу работу к защите и по мере сил способствовал ее прохождению. Но в ней есть и два недостатка: 1) излишне доверчивое отношение к данным письменных источников; 2) невнимательность к правильности цитат и ссылок. Достоинства, в моем понимании, несомненно перевесили. Недостатки же следует изживать... Я ценю Ваш ум, Вашу живость и полет фантазии. Но на спешку, а отсюда и местами небрежность не устану указывать. Ну, да будет о Вас! Хорошее есть и всегда, конечно, останется..." (21 сентября 1964 г.)¹.

Прим.: 1. Подобными (иногда и куда более резкими сентенциями) полна и последующая переписка с Учителем. Никогда не пренебрегал ими, принимая близко к уму и сердцу.

- "...Только собрался Вам писать, как получил Ваше письмо. Ничего мое письмо не строгое. Всего только учу Вас больше считаться с предшественниками, и не ссориться по пустому с людьми..."¹

Теперь по поводу, которому я хотел бы Вам писать. Мне в последнее время довольно много приходится заниматься Закавказьем. Создается поверхностное, но, думаю, верное впечатление, что гончарный круг и формы сосудов, в частности разные варианты "звериных ручек", проникли именно отсюда к сарматам Сев. Кавказа, а затем в Поволжье и т.д. Кувшин с ручкой, кубок с ручкой и т.п. стали обычной посудой у сарматов в конце Прохоровского времени. Подумайте, не попробовать ли Вам эту тему в качестве эпизода²... Говорят, что уже появился сигнальный номер СА № 4³... Говорят также, что Кузнецковская рецензия сильно смягчена теперь..." (21 октября 1964 г.)

Прим.: 1. К этому времени я уже утвержден в ученой степени кандидата исторических наук, страсти углеглись, мой наставник переводит переписку в спокойное деловое русло.

2. Эта идея, как представляется, нашла известное отражение в статьях о зооморфной керамике М.П.Абрамовой, тогда как мои взгляды оставались в русле еще студенческой статьи (см.: Виноградов В.Б. К вопросу об изображении животных на

сарматской керамике // Археологический сборник. М. 1961. С. 32-46).

3. Действительно, обе рецензии увидели свет в CA, 1964, № 4, став пожизненным предметом моей гордости.

Х Х Х

Наши переписка и личное общение длились до самой смерти Бориса Николаевича Гракова, о которой мне сообщил по телефону из Москвы Е.И.Крупнов, меньше чем только на месяц переживший своего извечного "соперника". Сейчас, на склоне лет, перечитывая эти письма, так многому научившие меня, вспоминаю, что в одном из газетных интервью сформулировал свое отношение к Б.Н.Гракову как "чувство панического уважения". И это - не преувеличение!

ИЗ ПЕРЕПИСКИ С Е.И.КРУПНОВЫМ 30 ЛЕТ НАЗАД

В 1967 г. я получил от Евгения Игнатьевича Крупнова 21 письмо. В предновогоднем из них есть строки: "...стал уставать. В этом году из 2-х месяцев отпуска я отдыхал только две недели... Кроме плановой темы пришлось написать 6 статей и заметок и дать 40 отзывов и рецензий, не считая всего остального. Понимаю, что не гоже, но приходится" (27 декабря 1967 г.).

Среди этого "всего остального" и огромный круг эпистолярных контактов, отразивших поистине труднообозримый спектр деятельности 65-летнего, уже хронически болеющего Человека.

Подготавливая в сдаче в архив г.Армавира материалы своей переписки с наставником, я выделил этот год не случайно. И не только потому, что он юбилейный. Тематика 50-летия Великой Октябрьской Социалистической революции неоднократно затрагивалась Евгением Игнатьевичем в его письмах. И многое в его деятельности так или иначе связывалось с этой датой. В частности, в последние дни 1967 г. вышел в свет I том "Очерков истории Чечено-Ингушской

1967 г. вышел в свет I том "Очерков истории Чечено-Ингушской АССР", в редакции которого я был непосредственным помощником гл.редактора проф. Н. А. Смирнова. И в каждом письме Е. И. Крупнов касается этой темы, выказывает острую заинтересованность в ней. "...Не оставляйте своим вниманием и трудом это самое показательное свое "детище" (15 апреля 1967 г.) - вот референ переписки.

Постоянно обращается Евгений Игнатьевич к грозненским изданиям того времени - "Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР" (В. Б. Виноградов, В. И. Марковин), "Археолого-этнографический сборник" и пр. "Дело полезное" - пишет он (9 января 1967 г.), но тут же и критика, советы, замечания, пожелания на будущее, которыми я никогда не пренебрегал. Часто упоминается по разным поводам моя научно-популярная книга "Тайны минувших времен" (М. 1966), причем сам Крупнов выступает инициатором ряда рецензий на нее. "Захватите с собой всю книжную продукцию, в т. ч. "Тайны...", В/археологическую карту и статьи..." (14 мая 1967 г.).

Естественно, что Евгений Игнатьевич первым получал многие из написанных мною работ и тут же принимал на себя текущие хлопоты об их судьбе. "Ваша статья о Мих. Тверском очень интересна, местами она просто блестяща, но требует и уточнений" (9 января 1968 г.) И из письма в письмо - сведения о прохождении публикаций в СА, "Истории СССР", "Вопросах истории" рядом с весьма принципиальными их оценками и рекомендациями, учет которых зачастую определял конечный успех.

Раз за разом всплывает тема крупных научных конференций (по скифо-сарматской археологии, по этногенезу осетин). Евгений Игнатьевич советуется, высказывает свои суждения, делится сомнениями, требует четкости позиций.

Тот год набирало силы Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), председате-

лем Чечено-Ингушского отделения которого я был избран. В письмах - пространные "отчеты" о работе Центрального Совета и его комиссий, всевозможные инициативы, предложения, просьбы о конкретной помощи. "Не ослабляйте своей энергии и усилий в работе ВООПИК" (5 июня 1967 г.). Это - уроки выполнения общественного долга крупным ученым-кавказоведом.

Регулярно отражается повседневная жизнь Северо-Кавказской археологической экспедиции, возглавляемой Е. И. Крупновым. Для него нет мелочей, и я - самый молодой из начальников отрядов - навсегда усвоил эту "школу".

Содержание писем отнюдь не безоблачно: многое во мне не нравится Евгению Игнатьевичу, кое-что он не понимает с дистанции своего возраста, характера, положения. Тем дороже факты огромного личного дружелюбия, умения и желания порадоватьсь за других. "Поздравляю: выслан Открытый лист С.Умарову" (3 мая), "Ваш доклад отмечен Центральным Советом ВООПИК" (21 апреля), "слышал от Мунчаева и Мерперта о неплохих докладах В/студентов в МГУ" (13 марта), "Муса (Багаев) оказался хорошо подготовлен Вами в аспирантуру" (24 октября), "я рад, что могу первым известить Вас о доцентском звании" (15 сентября) и т. п.

Звучат в письмах и тревожные мотивы неприятия Евгением Игнатьевичем некоторых реальностей жизни и работы в Чечено-Ингушской АССР, других автономных республик Северного Кавказа. В них - прозрение мудрого ученого и истинного интернационалиста многих будущих коллизий, вышедших в дальнейшем из-под контроля честной науки, порядочности, простой человечности. Будучи в самой гуще их, я, к сожалению, не все видел и понимал тогда...

Потому-то нынешнее обращение к письмам Учителя, бывшего в ту пору лишь чуть старше меня сегодняшнего - это еще один неизбывный урок археологии, кавказоведе-

ния, педагогики, общественной позиции, гуманизма. И завет каждому, кто чтит память о Е. И. Крупнове.

А. И. ТЕРЕНОЖКИН: “ГОД, ПОХОЖИЙ НА УДИВИТЕЛЬНЫЙ”

В марте 1957 г. за доклад на III Всесоюзной археологической студенческой конференции (Москва) я - студент 2-го курса Грозненского госпединститута - был премирован небольшой библиотечкой специальной литературы. Так открылись для меня научные труды лидеров украинской археологии Алексея Ивановича Тереножкина и Варвары Андреевны Ильинской. Затем, став уже студентом МГУ, убедился сколь высок их авторитет в глазах Б. Н. Гракова. В качестве варианта рассматривался тогда вопрос о рецензировании Алексеем Ивановичем выполненной мною дипломной работы.

Как ни обидно, но эпизод личного знакомства, связанный с одной из конференций в Москве, не очень-то запомнился: был представлен - и все! Зато сохранилось около 40 писем А. И. Тереножкина, полученных в 1970-х гг., когда Алексей Иванович строго (даже придирчиво) оценивал мою рукопись, ставшую основой докторской монографии “Центральный и Северо-восточный Кавказ в скифское время. VII-IV вв. до н.э.”, защищенной в феврале 1973 г. с его участием в качестве официального оппонента. С тех пор Алексей Иванович вел со мною интенсивную, сперва сугубо деловую, а потом все более открытую, душевно значимую переписку, непосредственно участвовал в организации моих первых приездов в Киев, где я с великим удовольствием оппонировал серьезным диссертациям В. Ю. Мурзина и Е. П. Бунятын, а в последующие годы - С. В. Махортыха, В. А. Колотухина, Е. В. Черненко, А. А. Моруженко, С. В. Полина, С. А. Скорого...

Многое вспоминается... И щемит сердце... Как и сейчас, когда я обратился к письмам Алексея Ивановича 1977 г.; чтобы обнародовать отдельные их фрагменты, раскрывающие некоторые грани наших взаимоотношений.

28 марта: "...Вы пишете, что с рецензией на моих "Киммерийцев" не вытancoвывается по разным причинам. Ну, Бог с ней, не наживайте себе из этого заботу. И у меня на многое нужное нехватает ни времени, ни сил..."

7 апреля: "... Добрый друг, не болейте, приезжайте на конференцию, где поговорим близко о разных вещах..."

19 мая: "...У Варвары Андреевны (Ильинской) заканчивает курс аспирантуры способный В. Ю. Мурзин. Она надеется, что Вы не откажетесь в нужное время принять на себя обязанности официального оппонента..."

3 июня: "Дражайший Виталий Борисович, наконец-то сборник "Скифия и Кавказ" с прекрасной Вашей, Сергея (Дударева) и А. П. Рунической статьей сегодня пошел в производство... Я считаю (так считают и все мои товарищи), что он является самым хорошим по сравнению со всеми предыдущими, так как в нем печатаются значительные труды, написанные великолепно; что в сборнике мы решительно вышли за административные границы Украины; что сборник исключительно проблемный..."

26 июля: "...Сообщите: имели ли Вы возможность познакомиться с болгарским сборником (Вып. I. София. 1975) со статьями Мелюковой (А. И.), Членовой (Н. Л.), Козенковой (В. И.) и др., часто имеющими прямое отношение к занимающим нас с Вами вопросам? Есть у Вас эта книга? Поражен слабостью "Свода археологических источников" о восточно-кобанском варианте, который опубликовала Козенкова. Какая слабая во всех отношениях книга! Иное дело монография Б. В. Техова о Тлийском могильнике: она показывает нам "чистую" Кобань, лишенную киммерийских и скифских напластований... Я и Варвара Андреевна не по-

ехали в экспедицию. Работаем над книгой "Скифия "(VII-IV вв. до н. э.)";, в которой первая глава почти целиком базируется на Ваших полезных трудах..."

20 октября: "Мне Вы, дорогой Виталий Борисович и Сергей (Леонидович Дударев), доставили особое удовольствие: я и Варвара Андреевна пережили несколько весьма счастливых часов, получив от Вас интереснейшее письмо и зарисовки... Спасибо за удивительное сообщение... Лишнего экземпляра сочинения Козенковой о Кобани у меня нет, но, повторяю, что оно чрезвычайно невежественное, мелкотравчатое, набор слов!.."

29 сентября: "...Жаль, что сочинения Козенковой о Кобани в нашем магазине нет, а то я выслал бы Вам. Но оно более, чем наполовину, кажется, построено на Ваших материалах. И она не прислала, не поблагодарила?! А само сочинение странное, обнаруживающее слабое понимание предмета... Сергей мне писал, что была находка железного молотка. Это великолепно!... С сердечным приветом Вам, Вашей семье и Вашему милому Сергею..."

2 октября: "Дорогой, все ТВОИ (нечастое обращение это я воспринимал как выражение полнейшей приязненности и близости, -В. В.) книжки получил, - большое спасибо. Рад, что Вы успешно работаете и многое добиваетесь в своих поисках..."

2 ноября: "...Нумизматические сборники прекратились у нас в издании, так что их редактор Анохин ничем помочь не может. Польские деньги XVII в. для наших сборников "Археология" слишком поздний материал, как сказал мне И. И. Артеменко. Говорил я с редактором "Украинского исторического журнала", но и там содействия не нашел. Так-то вот, не обессудь, помочь ничем не смог..." (Хлопоты эти связаны с поисками возможностей оперативной публикации уникального Махкетинского клада польско-шведских монет из

Чечни. Вскоре он был издан в Польше, Великобритании, Российской Федерации, - В. В.).

9 декабря. "Дорогой и милейший Виталий Борисович, глубоко сожалею, что Вы не смогли приехать на мой день 70-летия... Получил множество адресов, привезенных из пределов от Самарканда до Кишенева (самарканец надел на меня тюбетейку, чапан и подпоясал платком, чем произвел эффект). Дорого было в этом, Виталий Борисович, не честь, а то, что люди, которые так жестоко преследовали меня и Варвару Андреевну, оказались окончательно обескуражены. Дело в том, что в конце декабря мне и Варваре Андреевне, как о том говорят абсолютно все, будет присвоено звание лауреатов Государственной премии Украины, а для меня после недавнего получения звания заслуженного деятеля науки (Украинской ССР) это уже чрезвычайно! Такой выдался мне этот год, похожий на удивительный... Бог правду видит, да не скоро (к сожалению) скажет. Правда пришла, только я перешел в 8-ой десяток лет, когда физические силы слабеют..."

...С трепетом и искренней благодарностью перечитываю я эти строки, отмеченные своеобычным характером Алексея Ивановича. Пусть послужат и они сохранению святой памяти о нем - талантливом ученом, яростном труженике и жизнелюбце!

Содержание

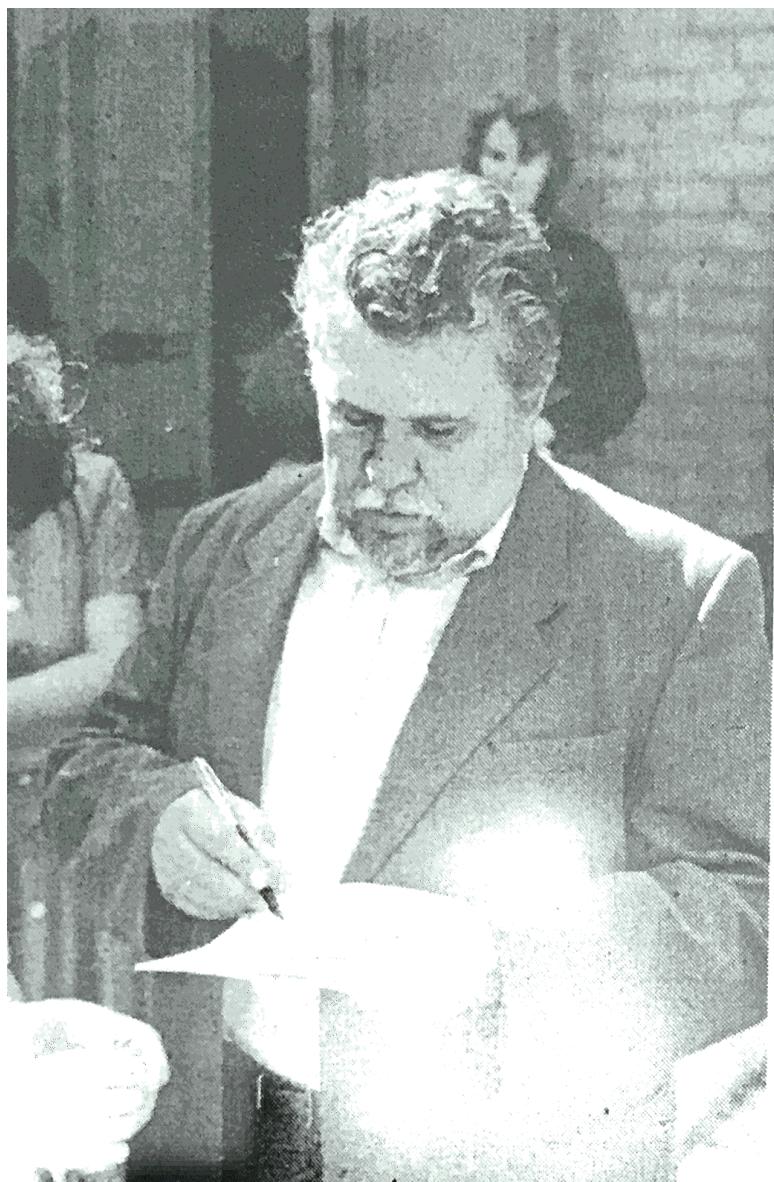
"ПИСЬМА ПИШУТ РАЗНЫЕ..."	3
ПЕРЕПИСКА С Б. Н. ГРАКОВЫМ В НАЧАЛЕ ПУТИ	5
ИЗ ПЕРЕПИСКИ С Е. И. КРУПНОВЫМ 30 ЛЕТ НАЗАД	12
А. И. ТЕРЕНОЖКИН: "ГОД, ПОХОЖИЙ НА УДИВИТЕЛЬНЫЙ"	15

Виталий Борисович
ВИНОГРАДОВ

ИЗ ПЕРЕПИСКИ С НАСТАВНИКАМИ
(Из эпистолярного наследия. Вып. 1)

Под редакцией доктора исторических наук
Е. В. ЧЕРНЕНКО (г. Киев)

Подписано к печати 30.11.98. Формат бумаги 60x84/32. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. п. л. 0,625. Уч. изд. л. 0687. Заказ 2021. Тираж 500.
ГУП "Армавирское полиграфическое предприятие" комитета по печати
администрации Краснодарского края, г. Армавир, ул. Комсомольская, 123.
Телефон 5-34-28.

В. Б. ВИНОГРАДОВ:
“Записанный адрес - залог переписки...”